

Елена Галкина*
 Историк должен
быть уверен в том,
что он — ученый

Главная проблема границ исторической науки, на мой взгляд, состоит в том, что примерно половина историков сами не считают историю наукой и поэтому легко допускают фальсификации в своих собственных трудах.

В нашем обществе бытует мнение, что учебники истории пишутся строго под заказ правящей элиты. Меняется элита — меняется история. Как говорил М.Н. Покровский, «история — это политика, опрокинутая в прошлое».

Что происходило в советское время? Методология истории превратилась у нас в нечто вроде «богословия» и анализа «священных текстов». Даже исторический материализм, который изначально был научной теорией, и таковой, если смотреть объективно, и является, в годы советской власти превратился в своеобразное «вероучение».

Естественно, все это вызвало недоверие к истории как науке сначала у интеллигенции, а потом выплеснулось и в широкие массы. Но дело не только в наследии прошлого — репутацию можно восстановить с помощью грамотного пиара. Хуже всего то, что недоверием к истории как к науке страдает само профессиональное историческое сообщество, которое имеет научные степени и звания, но при этом очень боится слов «теория», «концепция» и «закономерность».

Историк ты, филолог, физик или математик, — нужно исходить из общенаучных методов: из логики как инструмента, единого для всех наук.

Необходимо ставить проблему, которая не решена; на основании известных фактов и, возможно, противоречий между ними сформулировать гипотезу и пытаться ее проверить.

На это сторонники истории как «не-науки» указывают, что в отличие от физиков они не могут провести эксперимент. Но многие гипотезы современной теоретической физики нельзя подтвердить экспериментом в принципе. И в тех же науках о земле проводятся мысленные эксперименты, в которых сопоставляются известные данные.

Если мы строим одну гипотезу на другой вне научного метода, тогда и возникает миф из недоказанных предположений. Потом этот миф

очень трудно опровергнуть. Как специалист по восточной Европе раннего Сред-

невековья, могу привести пример с Хазарией. У нас есть представление о том, что Хазарский каганат — это огромное государство, которое простиралось от нижнего Каспия до левобережья Днепра и где-то там соприкасалось с владениями варягов. Это общее представление. На чем оно основано? У нас есть только один письменный источник, который, возможно, говорит о подобных границах Хазарского каганата, — письмо царя Иосифа середины X века. Притом что по другим источникам Хазарский каганат в то время, когда писал царь Иосиф, не достигал тех размеров, о которых он рассказывает. Мы знаем, что на этих территориях было самостоятельное царство алан, были черные булгары. Но, например, в русских летописях границы Хазарского каганата не обозначены, а по данным арабской географии, территория была значительно меньше, чем упомянутая царём Иосифом. У нас есть этот единственный источник, причем названия племен в нем можно интерпретировать совершенно по-разному. Можно понимать так, что эти племена жили на Волге, а можно говорить, что они обитали по Дону и Днепру. По идее, надо предположить, какие это могут быть племена, проверить гипотезу данными археологии, в том числе посмотреть наличие хазарского культурного влияния, и потом уже возвращаться к границам Хазарии в письме Иосифа. Но в нашей реальности получится иначе.

Итак, источниковед неизбежно приходит к археологам. Археолог же, основываясь на одной из интерпретаций источника, сделанной кем-то много лет назад с опорой на давно устаревшую интерпретацию археологических данных, раскапывает поселение с могильником и говорит: «Мы раскопали Хазарский каганат». Хотя население там оказывается вовсе не тюркское, а какое-нибудь северо-иранское, и у него совершенно другие обычаи, чем были у хазар, и культурного влияния хазар не прослеживается. Получается, что источниковеды опираются, как на факты, на неподтвержденные гипотезы археологов, археологи — на источниковедов... И так начинает расти взаимно недоказанная идея, которую потом почему-то называют теорией. И если раскопать этот снежный ком, в глубине его обнаружится та самая неподтвержденная гипотеза, иначе говоря, открытая проблема. Но и на таком пути может быть много новых установленных фактов и действительно научных открытий, которые в итоге приведут к решению той проблемы, с которой всё начиналось, и даже, может быть, опровергнут первоначаль-

ную гипотезу, которую все уже привыкли принимать как доказанный факт. То есть из вышесказанного вовсе не следует, что история не есть наука.

Просто история еще очень молодая наука и не обладает пока достаточными доказательными мощностями в сравнении с естественными науками. Но и в ней можно выдвигать гипотезы, строить теории, пускай они пока и будут менее доказательными, чем в физике. Главное — это уметь вовремя разбить снежный ком, сохранив установленные факты и отбросив мифы.

Вопрос о науке — это и вопрос существования определенного научного аппарата, конвенциональных определений, терминов и понятий. У нас нередко происходит такой казус: кто-то решает понимать, скажем, революцию, государство, нацию, феодализм по-своему, случайно забыв написать об этом в начале своего исследования. И потом начинает что-то яро утверждать на основании своего представления, которое сильно отличается от того понимания (или нескольких пониманий), к которому пришли представители исторической мысли. Такое обращение с терминологией, размытость понятийного аппарата тоже показывает, что наука история, как и другие науки об обществе, ещё очень молода, и границы её нередко размыты.

Но историк должен быть уверен в том, что он — ученый. И должен использовать тот самый общенаучный метод, который применяется в остальных науках, — проверенный путь от гипотезы до доказательства. Тогда с проблемой фальсификации и разделением на то, что есть наука, а что нет, будет гораздо проще.

Петр Сафронов**

Карго-наука

Границы научности есть также границы мира науки. Мира настоящей науки. Этот мир нельзя разместить в пределах географической карты. Его можно почувствовать, извне упираться в границы. Или можно просто жить в нем, если повезет, например, с выбором учебного заведения после окончания школы. Вопрос о границах научности — это вопрос о том, где может быть наука и где ее быть не может.

Что делает возможной современную науку? Люди и деньги. Высокопрофессиональные кадры и щедрое финансирование, направленные на решение конкретной задачи. Это и есть границы научности.

Там, где нет двух этих условий, можно сколько угодно искать науку и не находить ее. Зато в этих

местах есть беспокойная озабоченность тем, чтобы никто не понял истинного положения вещей. Тем, чтобы никто не почувствовал, как слабо отличаются друг от друга шарлатаны и «настоящие ученые». Наука за границами научности превращается в своеобразную версию карго-культы. Изготавливаются копии инструментов, копии институтов, копии профессиоаналов. И все эти инструменты, институты и профессиоаналы не работают. Потому что не могут. Потому что не знают как. Потому что им просто нечего делать.

Итак. Существует работающая наука. И существует неработающая карго-наука. Они находятся в разном пространстве и в разном времени. Граница между двумя мирами заметна каждому внимательному наблюдателю. Та самая граница научности, о которой идет речь. Проблема заключается в том, что представители неработающей карго-науки постоянно с пеной у рта доказывают свою научность. Они делают это, ссылаясь на умопомрачительные количественные показатели: число докторов наук на единицу площади, число НИИ на квадратный километр и так далее. С этим не поспоришь: количественные показатели звучат очень убедительно. Только вот наука не работает. Почему?

Ответ на этот вопрос, на мой взгляд, заключается в том, что массовая (т.е. основанная только на количественных показателях) наука вообще не может работать. Границы научности в современную эпоху определяются эффективностью использования науки. Наука сейчас больше не является ценностью сама по себе. Все меньше и меньше становится тех, кто заинтересован в чистом поиске истины. Наука становится товаром, превращаясь в технологии. И теперь уже технологии стимулирует развитие обслуживающей их науки. Научность определяется полезным эффектом создаваемых на основе тех или иных теорий технологий. Там, где отсутствует связь науки и технологического развития, нет и работающей науки. Там проходят границы научности.

У карго-науки нет никакого шанса преобразиться в обычную работающую науку. Ведь чтобы оказаться по эту сторону границ научности, нужны люди и деньги. Но деньги не пойдут туда, где нет настоящих профессиоаналов. А люди не пойдут туда, где нет того финансирования, которого они заслуживают. Получается замкнутый круг. Следовательно, карго-наука не подлежит реформированию. Ее надо просто оставить в покое. И знать про себя, что речь не идет о какой бы то ни было научности. Оставим ей игрушку «фундаментальности».

Современная наука как совокупность потрясающе разнообразных отраслей знания

* Елена Галкина, доктор исторических наук, профессор кафедры истории МПГУ

полностью сосредоточена на деталях. Ученый, подобно бродячему цирковому акробату, кочует на бескрайних просторах исследовательской деятельности, останавливаясь то тут, то там. Дифференциация познавательного интереса при этом как бы воспроизводит действительное разнообразие практик, в которые сегодня могут быть вовлечены ученые. Описание каждой отдельной практики может рассматриваться в виде своего рода портрета определенного исследовательского поля. Поля могут быть похожи, могут даже частично или полностью совпадать по содержанию, хотя и факт совпадения полей не влечет за собой совпадения добываемых на этих полях полезных эффектов. Очевидно только, что ни одно поле не исчерпывает собой реальность в целом. Нельзя также утверждать, что какое-то поле более реально, чем все остальные. Метафорически можно определить современную науку как некое бесконечное путешествие от одного поля к другому. Она размечает пути, ведущие к конкретным технологическим эффектам, и в этой направленности обнаруживает специфический исследовательский интерес. Подлинное существование полей удостоверяют постоянно возникающие сдвиги и изменения в нашем повседневном существовании.

Границы научности оказываются границами определенной формы жизни. В этой форме наука дана каждому человеку в ощущении. Ее присутствие является чем-то само собой разумеющимся, частью быта. Быта настолько прочного, что он не нуждается в защите. Его можно атаковать, только обладая сопоставимым уровнем развития науки. А это значит, принимая ту же форму жизни. Недовольным остается только наблюдать за праздником, все больше и больше обнаруживая собственную несостоятельность. Что ж, их право. Одно можно сказать точно. В нормальной науке не бывает революций.

Виктор Вахштайн*
Коварный вопрос
о границах в науке

Вопрос «Чем отличается наука от не-науки?» коварен. Как часто бывает в эпистемологии, здесь все дело в интонации. В одном прочтении этот вопрос означает: «Чем наука отличается от искусства, политики, религии или коллективно-употребления наркотиков?». В другом: «Чем наука отличается от лженауки, паранауки, псевдонауки, антинауки?».

* Виктор Вахштайн, кандидат социологических наук, декан факультета социологии политологии МВШСЭН, старший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии ГУ-ВШЭ

Второе прочтение меня не занимает. Операция обличения и разоблачения — достояние занятия политикой, одержимого

идеями устранения одних конвенций для утверждения других, но сама она к науке отношения не имеет. Проводить такие различия (наука / лженаука) можно только извне региона научности.

Первый же вопрос — это классический вопрос о демаркации первого порядка. Есть еще и демаркация второго порядка: «Чем моя наука отличается от остальных?». Те теории, которые делают акцент на демаркацию науки и не-науки, гораздо спокойнее относятся к дисциплинарным границам (знаменитая веберовская лекция дает нам ответ на вопрос о специфике научного знания, но не о специфике знания социологического). И наоборот. Акцент на демаркации второго порядка («социология — это совокупность специфических практик, которые с социологами не разделяют другие агенты») делает менее значимым поиск основания границ научности как таковой (и тогда, например, отличия между наукой и политикой не остается).

Я ограничусь в этом вопросе банальностью. Наука — это совокупность языков. И социология — один из них.

В последние годы в мировой социологии разгорелось несколько споров, поставивших под сомнение одновременно демаркацию первого и второго порядка. Первая линия фронта: действительно ли социология является наукой об обществе? Это нормальное для зрелой дисциплины переопределение своего объекта. (Напомню, что психология поначалу тоже мыслила себя как «наука о душе».) И здесь — от Н. Лумана до Дж. Урри — мы находим целый спектр оригинальных теоретических высказываний как «за», так и «против». Вторая линия фронта: спор о социологизме. Должна ли социология следовать дюркгеймовской максиме в объяснении социального социальным? И вновь — в недавних работах Б. Латура, Дж. Ло, С. Фухса и У. Шеррока — мы видим, как проблематизируются в прошлом аксиоматические основания дисциплины. Две эти линии фронта не связаны никакой скрытой «траншеей». Против идеи социологии как науки об обществе, например, высказываются законченные социологи, и наоборот.

В последние годы оба эти спора затронули отечественную социологию, традиционно погруженную в меланхолическое пережевывание тем трансформации, стратификации, «постсоветского» человека и советского наследия. В ней началось обособление диалектов, которые — как свойственно молодым языкам — конкурируют за возможность максимально точного, тонкого и насыщенного описания мира.

Александр Морозов**
Лженаучным теориям
может противостоять
только включение сообщества
в общемировой контекст

В англо-саксонской и французской традициях различается то, что называется словом science, или точные науки (математика, физика и те науки, которые на них базируются), и остальные области знания. Они тоже называются наукой, но уже не в смысле science, а в смысле некоторого организованного знания.

Важным критерием в общественных науках является то, что существует некая среда, которая имеет определенную традицию аргументативных практик и владеет аналитическими техниками применительно к своей сфере знания. Именно эта среда определяет и переосмысливает границы своей собственной науки. Таким образом, границы научности постоянно переопределяются, и это нормальный процесс.

Сейчас борьба за границы между дисциплинами потеряла былую остроту и актуальность. Но во второй половине XIX века, в эпоху расцвета позитивизма, подобные разграничения были предельно важны. Когда Лиотар описывал позитивистскую науку, то говорил о том, что научность требовала тотальной рубрикации. Учебник по истории любого народа писался так, что все события в нем были, как вещи в комод — в выдвижных ящиках; обязательно все начиналось с экономических условий, потом шли политические дела, в заключение — культура. Аналогично классифицировались и другие науки.

Сегодня господствует совершенно иной взгляд. После 1960-х, после Ф. Броделя и «Школы Анналов» важными стали именно междисциплинарные исследования и история повседневности. Ученый стал понимать условность жесткого дисциплинарного деления по отношению к материалам, связанным с существованием человека в разных исторических периодах.

Сейчас мы находимся в моменте трансформации или эрозии академического и университетского знания. Под вопросом находится существование научных школ. В конце XIX и в первой половине XX века в научной школе имелся некий ремесленнический момент: теоретическое знание передавалось от учителя ученику, был длительный процесс обучения, ученик находился при учителе 20–30 лет и даже до самой смерти. В конце XX века из-за изменений в организации научного процесса начались серьезные перемены: ученики стали уходить

** Александр Морозов, политолог, блогер amoro1959

быстрее, научные школы — исчезать.

Стал снижаться общественный статус научной школы. Пока нельзя точно сказать, почему это происходит. Идет процесс, результат которого неизвестен. Но несомненно, что большую роль здесь играет повышение информационной связности мира, постоянное увеличение скоростей производства информации.

Рост научных публикаций пошел по экспоненте, их производство превратилось в колоссальный конвейер, при этом зачастую трудно оценить, какой процент из них является «копи-пастом».

Но остаются те, кто пытается сохранить традицию, фундаментальные требования к качеству наук. И это значит, что сохраняется борьба за представление о научной качественности внутри дисциплин.

Прежде предполагалось, что академические институты будут являться некими рубежами, определять уровень требований и транслировать традицию качества. Но сейчас это уже совсем не так. Хотя, безусловно, границы должны задаваться существующими научными центрами.

Многие сейчас кричат о проблеме популяризации научного знания. На мой взгляд, популяризация не содержит в себе ничего предосудительного. В некотором смысле она является естественным продолжением научной деятельности, потому что результаты, достигнутые внутри фундаментальной науки, должны транслироваться в общество. Здесь не происходит переопределения границ научного знания. Существует, конечно, альтернативная гуманитарная сфера, новая мифология, которая распространена не только у нас, но и по всему миру. Но лженаучным теориям может противостоять только включение сообщества в общемировой контекст.

Сейчас возникло представление о коллективной памяти, о коммеморации (функционирование памяти сообществ). Память сообщества устроена определенным образом: что-то вытесняет, а что-то осмысливает или домысливает. Историк должен оставаться на почве исторической — если не объективности, то, по крайней мере, корректности. Он пытается максимально полно создать картину прошлого, но остается неизбежно ангажированным своим временем и своим положением в обществе.

Какую роль в вопросе границ научности должно играть государство? Оно должно персонально приветствовать гуманитарные научные достижения определенного уровня так, как оно это делает по отношению к искусству. Остается надеяться, что такие курьезы, как Петрик, будут случаться редко.